

м а с т е р   к р и м и н а л ь н ы х   т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

Бремя углов

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13   **Время идолов / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).**

ISBN 978-5-04-205296-5

В подъезде собственного дома застрелен известный журналист, специализировавшийся на скандальных расследованиях. Рядовой случай в наше время, и милиция сразу же дает понять шефу убитого, что это абсолютный «глухарь» и заниматься им бесперспективно. Но издатель не успокаивается и идет к единственному человеку, способному раскрыть это преступление, — к агенту Дронго. Знаменитого сыщика не смущает, что никаких улик и зацепок в этом деле нет, а версий не сосчитать. Но даже он не может представить, куда заведет его это расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205296-5

Один остается, когда другие изменяются и уходят.

Перси Биш Шелли «Адонис»

ПРОЛОГ

Когда тебе всего двадцать восемь, все в жизни кажется таким прекрасным. Он развернул газету, всматриваясь в свою статью. Сегодня утром она показалась ему очень даже толковой. Несмотря на растущую известность в журналистских кругах, несмотря на репутацию одного из многообещающих московских журналистов, он все еще по-детски радовался каждой своей новой публикации. Ему казалось, что его статьи читает и обсуждает вся Москва. Глядя на лица людей, уткнувшихся в знакомую газетную полосу в вагоне метро, в автобусах, троллейбусах, он пытался угадать, как они отнеслись к новой его статье, что подумали об авторе. Это было восхитительное чувство — ощущение собственной значимости. Впрочем, оно присутствовало в его душе даже вопреки мнению о нем других. Он и так знал, кто он такой. А когда в какой-то из газет ему случалось встретить ссылки или комментарии на свои материалы в статьях мэтров от журналистики, ему казалось, что он уже состоялся как профессионал высшей категории — свой среди своих.

Слава Звонарев был высок ростом, манеры имел чуть угловатые, и, несмотря на самомнение, он все еще был несколько застенчив в общении, хотя уже

научился не краснеть в разговорах с малознакомыми людьми. Его бойкое перо, наверное, действительно чего-то да стоило, если он в сравнительно короткий срок сумел пробиться в число ведущих сотрудников такой популярной газеты, каким являлся «Московский фаталист». Всего шесть лет, как начинающий журналист Слава Звонарев приехал завоевывать столицу, и вот он — острейшее перо московской журналистики. Хватка провинциала, всего добивающегося трудом и упорством, сослужила ему хорошую службу. Теперь у него двухкомнатная кооперативная квартира, пусть и в спальном районе, «девятка» цвета мокрого асфальта, он получает приличную зарплату и еще более приличные гонорары — полный джентльменский набор благополучного москвича.

...Закрывая за собой дверь квартиры, Слава не подозревал, что несколькими этажами ниже его уже ждут...

Когда-то в Воронеже, откуда он был родом, он мечтал о карьере тележурналиста. Но, приехав в Москву после окончания пединститута в родном городе, он быстро понял, что небольшой дефект дикции и трудно преодолеваемая застенчивость в контактах с незнакомыми людьми помешают ему сделать успехи на «голубом экране». Начал он с внештатного сотрудничества в качестве репортера в небольшой газетенке с «желтым» уклоном, но, поскольку газетку довольно широко читали в охочей до сенсаций столице, его заметили и профессионалы, да и «длинные ноги» и хороший слог — сочетание довольно редкое, его пригласили в «Московский фаталист» сначала попробоваться внештатно, а потом он стал постоянным сотрудником газеты.

...Перед выходом из дома он еще раз с удовольствием взглянул на лежащую перед ним на столе статью. Почти всю вторую полосу занимал его материал «А судьи кто?» — речь в нем шла о коррупции, укоренившейся в системе судебных и следственных органов страны. Да, с фактами, которые ему удалось добыть, не поспоришь, подумал Слава и улыбнулся своим мыслям. Уже вчера по его публикации Министерство юстиции сделало по Центральному телевидению заявление о клеветнических нападках некоторых журналистов на представителей судебной системы. На сегодня была назначена пресс-конференция в Министерстве юстиции, где сам министр собирался ответить на обвинения, выдвинутые в его статье.

Человек, стоявший на лестничной площадке, докурив очередную сигарету, скрутил и измял ее в пальцах, как и предыдущие, и бережно опустил в карман, словно коллекционируя свои собственные окурки.

...В последнюю минуту перед выходом Звонарев, бросив скептический взгляд на свой старый пиджак, достал новый, недавно купленный по случаю трехлетнего «юбилея» своей работы в «Фаталисте». Тогда он заехал в один из открывшихся дорогих бутиков и, почти не колеблясь, отдал пятьсот долларов за новый темно-синий пиджак, в котором он отлично смотрелся. Взглянув на себя в зеркало, он остался доволен этим пиджаком — то, что надо для подобного случая.

«Нужно срочно перетаскивать сестренку из Воронежа, — подумал Звонарев, — чего ей прозябать там. Девчонке уже семнадцать, заканчивает школу. Надо помочь поступить в институт. В конце концов,

пока может пожить и у меня. Так будет даже удобнее. Даже если и не поступит сразу, наберется столичного опыта».

Большая разница в возрасте с сестрой — почти одиннадцать лет — объяснялась тем, что после рождения сына мать долго болела, и девочка подзадержалась. Может, поэтому ее все так любили в семье — и родители, и старший брат.

...Незнакомец, стоявший на площадке первого этажа, посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Основной поток людей, спешивших на работу, схлынул к девяти. В это время спускались и поднимались лишь редкие или случайные жильцы. Мимо прошла бабушка с внучкой. Девочка приветливо поздоровалась с незнакомым дядей, как ее учили дома. Незнакомец обернулся и, криво улыбнувшись, ответил кивком головы, не произнеся ни слова.

Звоначев еще раз взглянул в зеркало, подмигнув себе, и вышел из квартиры. Конечно, квартирка маленькая, не очень престижная, находится в далеком спальном районе, но пока это был потолок его возможностей. Да и ее он купил, заняв деньги у друзей, теперь постепенно расплачивался. Жить в Москве без собственной квартиры и машины и пытаться сделать карьеру в журналистике — вещи несовместимые. Это он понял сразу. Бесквартирный «бомж» сразу же отбрасывался на несколько ступенек вниз по социальной лестнице, где все имело свое место.

Закрывая ключом дверь, он вспомнил о Вале. Нужно ей позвонить. После недавней стычки он ей еще не звонил. Решил дать несколько дней одуматься. Валя хорошая девушка, но иногда ее заносит. Пытается соревноваться с ним, доказывая ему, «провинциалу», свою московскую богемность. У нее, правда,

большой круг знакомых художников, писателей. Люди действительно интересные, «крупняк» даже по столичным масштабам. Если учесть, что ее отец довольно известный художник, а она единственная дочь родителей, живущих в огромной четырехкомнатной квартире в центре города, то такая партия может быть очень даже удачной. Нужно только с самого начала все расставить на свои места. Нет, это не был бы брак по расчету — Валя очень симпатичная внешне, добрая и отзывчивая девушка. Вот только иногда не совсем сдержанная, норовистая. Может вдруг выдать такую фразу, так отбрить собеседника, что тот потом долго будет ежиться от услышанного. Впрочем, к подобной манере тоже можно привыкнуть, если не удастся обуздать строптивицу.

...Незнакомец насторожился, слышав шаги. Вниз сбегал молодой человек, который очень торопился по своим делам. Сегодня должны были привезти новую партию бутылок «минеральной воды». Собственно, минеральной она была лишь обозначена на этикетке. На самом деле вода разливалась из обычного водопровода с добавлением щелочи и соли кустарным способом. Но на такой сделке можно было неплохо заработать, и молодой человек спешил вниз получить партию такой «минералки», уже доставая на ходу мобильный телефон и не обращая внимания на стоявшего в подъезде незнакомца, который равнодушно отвернулся при его появлении.

Звонарев закрыл наконец дверь и вызвал лифт. Кнопка не сработала. Снова кабина лифта не поднималась на восьмой этаж. Чертыхнувшись, он пошел пешком. В конце концов, нельзя все поиметь сразу.

Надо потерпеть пока. Были бы деньги, а квартира нарисуетя.

Незнакомец, услышав шаги, вновь насторожился. Это его время! Около одиннадцати. Он слышал, как журналист торопливо сбегает по лестнице. Ему не нужно было размышлять, кто именно появится перед ним через секунду. Незнакомец уже знал «объект» в лицо. Звонарев заторопился, вспомнив, что должен успеть еще заправиться бензином. По его расчетам, горючего могло хватить только на полчаса езды.

Незнакомец замер, прижимаясь к стене. Слава машинально кивнул на бегу, кажется, незнакомому парню. Незнакомец достал пистолет. Звонарев подумал еще раз, что нужно обязательно позвонить Валентине, и тут он получил сильный толчок в спину. Он даже не понял, что произошло. Просто ему показалось, что неизвестный, стоявший на площадке, пинком ноги или ударом кулака в спину сбросил его на лестницу. Он хотел обернуться, возмутиться хамским поступком хулигана, когда второй толчок заставил его растянуться на лестнице. Он почувствовал боль и понял, что это были не пинки. Ему не было страшно. В эту секунду он пожалел новый пиджак, купленный за такие бешеные деньги и так нелепо продырявленный.

Незнакомец сделал несколько шагов по направлению к еще живому Звонареву. Тот услышал шаги и вдруг, в эту секунду, в это мгновение, наконец понял: это убийца, который сейчас нанесет последний удар. И, осознав этот кошмар, он собрал все свои силы и хотел закричать от ужаса, от этой несправедливости. Ведь ему только двадцать восемь лет, жизнь так прекрасна, она только начиналась, все было впереди...

Контрольный выстрел в голову он еще почувст-

вовал. И больше — ничего. Незнакомец наклонился к убитому, удовлетворенно кивнул головой и, на ходу отвинчивая глушитель, направился к выходу. Почти у двери он столкнулся с мальчиком, который возвращался из школы. Очевидно, у него не было нескольких уроков и он, довольный, сбежал домой. Подросток удивленно посмотрел на столкнувшегося с дороги человека. Какую-то долю секунды убийца колебался, не зная, что предпринять. Еще оставалась возможность снова надеть глушитель и покончить со свидетелем, который мог запомнить его в лицо. Убийца даже замер у дверей, но в этот момент увидел женщину, направляющуюся к подъезду. Начать стрельбу — означало привлечь внимание и других соседей. Убийца отпустил дверь и стремительно направился к ожидавшей его машине.

Мальчик, увидев, что лифт не работает, решил подняться по лестнице и сразу же, на первом этаже, обнаружил лежавшего в луже крови Звонарева. Он испуганно замер, не решаясь даже крикнуть. Картинка, которую он увидел, запечатлелась в его мозгу надолго. В этот момент за спиной раздались тяжелые шаги поднимавшейся снизу женщины. Она разглядела соседского мальчика и уже хотела возмутиться — вот, мол, как теперь дети относятся к школе, но, увидев кровь, закричала во весь голос...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА 1

Утром, выскакивая из дома, чтобы не опоздать на работу, нужно не забыть кучу разных вещей, которые необходимы для работы. А она частенько забывала то поменять кассету, то проверить исправность магнитофона, вечно заедающего в самое неподходящее время. Либо, что было совсем уж плохо, оказывалось, что забыла ручку, тогда приходилось вымаливать ручку или карандаш у своих коллег, что, конечно, было не очень солидно.

Но самое главное, она успевала одеться и подкраситься, чтобы не выглядеть халдой перед людьми. Римма Кривцова была парламентским корреспондентом газеты «Новое время» и, несмотря на свои двадцать шесть лет, не подвела тех, кто рекомендовал именно ее на эту работу. Говоря откровенно, ей повезло. Работавший до нее журналист попал в больницу с открытой язвой. Начальник отдела был в отпуске, и главный редактор принял решение назначить именно ее на освободившееся место, выдав аккредитацию при пресс-центре Государственной думы.

Невысокого роста, но крепкая и ладно скроенная, с курносым носиком, придававшим лицу не очень серьезное выражение, она носила очки в мас-

сивной оправе, которые добавляли ее внешности респектабельности. Коротко стриженные волосы позволяли ей недолго возиться с прической, за исключением тех редких случаев, когда она сознательно колдовала над своей головой, пытаясь придумать что-нибудь экстравагантное. Она любила носить мягкие мужские брюки и длинные кофты, но, после того как получила аккредитацию при парламентском пресс-центре, перешла на юбки, предпочитая макси, которые, увы, скрывали ее в общем-то стройные и красивые ноги. Но чего не сделаешь ради солидности.

Римма закончила факультет журналистики Московского университета, и это обеспечило ей широкий круг знакомств, многие мэтры журналистики были либо ее преподавателями, либо знакомыми ее преподавателей. В условиях, когда в Москве во множестве плодились, возникая чуть ли не ежедневно, всяческие печатные издания, а хлынувшие в столицу провинциалы пытались пробиться наверх всеми возможными способами, элитное образование и крепкие связи многое значили.

Отец Риммы был кадровым дипломатом и работал в одной из южноамериканских стран. Разумеется, он уехал туда со своей женой, матерью Риммы, а дочь осталась в большой квартире на попечении бабушки, впрочем, непонятно было, кто за кем присматривает — Римма за бабушкой или бабушка за ней. Когда звонил отец, бабушка на правах контролерши успокаивала родителей, что девочка работает с утра до вечера и никакие посторонние мужчины в доме не появляются. Но на самом деле Римма иногда приводила своих знакомых, а некоторым даже разрешала оставаться на ночь, при условии не очень

шуметь и не будить бабушку. Кавалеры старались не шуметь, насколько им это удавалось, но бабушка все равно знала или догадывалась о каждом ночном визите, а утром делала вид, что ничего не слышала, за что Римма любила ее еще больше.

Единственным неудобством в ее жизни было то, что Римма так и не научилась водить машину, и отцовская «Волга» бесцельно пылилась в гараже. Несколько раз Римма заставляла себя начать осваивать трудную науку вождения, упросив кого-то из знакомых позволить ей сесть за руль их автомобиля, но все попытки едва не кончались аварией, а однажды таковая произошла, она так и врезалась в неожиданно появившийся на загородном шоссе автобус. После этого Римма навсегда зареклась садиться за руль, и ей приходилось пользоваться общественным транспортом, благо станция метро была напротив их дома.

Она работала всего второй месяц и успела сделать лишь несколько коротких репортажей. Думские парламентарии оказались большей частью суровыми, малоразговорчивыми людьми, и она часто натывалась на грубые отказы, когда просила об очередном интервью. Собственно, ничего другого она и не ожидала, судя по рассказам коллег, но тем не менее, отправляясь на очередные заседания, она все-таки еще надеялась передать в свою газету самый лучший репортаж. Но дни шли за днями, а ее рутинная работа ничем особенным не выделялась.

В этот день Римма спешила на заседание комитета, посвященное аграрному вопросу. Заседание обещало быть нудным, ничем не примечательным, но главный настоял, чтобы она приняла участие в работе комитета и сделала, как он подчеркнул, хороший

репортаж. Именно поэтому ей пришлось так рано подняться и спешить к станции метро, чтобы успеть к началу заседания.

Но по дороге выяснилось, что она забыла свой пропуск. Пришлось возвращаться обратно, пугать бабушку долгими звонками в дверь, искать этот чертов пропуск, а потом, вконец отчаявшись, она вспомнила, что он лежит в другой сумке. Теперь уж ей пришлось хватать машину, чтобы если и опоздать, то на чуть-чуть.

Пока сотрудники охраны и офицеры милиции проверяли ее документы, обнюхивали ее сумку и перетряхивали все ее содержимое, прошло еще несколько драгоценных минут, и она, обреченно глядя на часы, уже сознавала, что опаздывает. Именно поэтому Римма взбежала по лестнице, уже не помня себя от волнения, и даже не услышала, как ей крикнули в спину, что заседание комитета перенесено.

Девушка бежала по коридору, все еще надеясь на чудо. Рванула дверь знакомого кабинета, в кабинете было пусто. Она удивленно оглядела небольшую комнату, посмотрела на часы, прошла к столу и, опустившись на стул, тяжело вздохнула. Либо она окончательно опоздала, перепутав время и число, либо заседание комитета, на счастье, перенесли, и она сможет в таком случае реабилитироваться перед главным. И именно в это мгновение у нее упал пропуск, который она собиралась положить в сумочку. Наклонившись, чтобы поднять его, она неловко подцепила его пальцами, и злосчастная карточка, выскользнув из рук, полетела еще дальше. Чертыхнувшись, она опустилась на колени и полезла за документом под ряд столов. В тот момент, когда она уже достала свой драгоценный пропуск и собиралась

выбираться в проход, дверь в кабинет открылась, и она услышала, как в комнату вошли двое. Вернее, она увидела их обувь. У одного были дорогие темные туфли на толстой подошве. У другого — рыжие туфли не первой молодости, так как были уже изрядно стерты по бокам. Вошедший первым — обладатель темных роскошных туфель — замер, очевидно, оглядываясь по сторонам, затем он обернулся к своему собеседнику со словами:

— Что у вас? Говорите, здесь, кажется, никого нет.

Его собеседник нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно не мог устоять на месте.

— Все в порядке, — наконец услышала она ответ, — подобрали команду. Целый год с ними нянчились.

— Откуда набирали?

— Из Подмосковья. Всякая шантрапа, неблагополучные дети. Я все лично проверял, как вы говорили. Ни одного человека из нормальной семьи. У всех либо пьют родители, либо кто-то сидит в тюрьме. Двенадцать человек, больше чем футбольная команда.

Римма сообразила, что речь идет, конечно, не о спорте, и, достав свой магнитофон, включила его, даже не обращая внимания на предыдущую запись — интервью с одним из думских деятелей, которую она сейчас сотрет.

— Почему так много?

— Ненужных отбраковали. Все молодые, злые, голодные. Все как полагается. Кошкин отобрал пять человек.

— Как именно вы их собрали? — спросил владелец черных башмаков.

— Сказали, что организуем нечто вроде клуба. Немного заплатили, вроде бы за членство в клубе. Они и потянулись. С ними работали два наших инструктора. В вашем клубе мы их и готовим. Пока все нормально.

— Чтобы не перестарались. Не нужно им ничего объяснять. Чем глупее, менее осведомленными они будут, тем лучше.

— Так и сделаем. Вы не беспокойтесь, все в порядке, они ни о чем не догадываются. Мы им еще Кошкина дали, пусть покажет себя, ребятам будет интересно. Он ведь профессионал. В общем, все, как вы говорили. Да и атрибутику нужную он даст. Все как положено.

— Кошкин все знает?

— Только он один. Кроме него, никто и ничего. Остальные будут уверены, что это справедливая месть.

— Хорошо. Ребята крепкие?

— Крепкие. И в драке злые, некоторых проверяли. Против настоящих мужиков тоже потянут. Кошкин их натаскал... И все наши — ни одного инородца, как вы и говорили. Мы сами всех проверяли. Да и Кошкин не взял бы их. После того как ему ступню оторвало, он их ненавидит.

— Ты лично отвечаешь за всех. Учти, никто не должен знать, для чего мы их готовим. Ни единый человек. И отзови своих инструкторов. Пусть Кошкин им мозги забивает. Отошли своих людей куда-нибудь подальше, хоть в зарубежную командировку пошли, чтоб месяца два не появлялись и никому глаза не мозолили. Хотя нет, одного оставь. Кто там у тебя понадежнее?

— Бондаренко, конечно. Он в паре с Юрловым работает, с вашим вторым водителем.

— Ну оставь его. Для связи с твоими подонками. И пусть Кошкин их опекает два дня, никуда не отпуская. Сам знаешь — такая сволочь всегда в цене. Как с оружием?

— Готовим. Отбираем каждый автомат, каждый пистолет. Все со спиленными номерами или со складов Московского округа.

— Это самое важное. Если узнаю, что покупали на рынке или забыли спилить какой-нибудь номер, башку оторву. Без лишних слов.

Римма, старавшаяся не дышать, чуть приподняла голову и ударилась.

— Кто здесь? — громко спросил хозяин дорогой обуви. При этом голос у него предательски дрогнул.

— Нет здесь никого. Это какой-то стук сверху, — успокоил его обладатель рыжих туфель, — комната маленькая, здесь не спрячешься.

— Посмотри-ка с другой стороны, — предложил «начальник». И второй повернулся и пошел в ее сторону.

Римма протянула руку, убирая сумочку со стула. Мужчина медленно подходил к ней.

— Я же сказал, что здесь никого нет, — удовлетворенно сказал он, подходя еще ближе.

Римма от ужаса закрыла глаза. Неужели он пойдет дальше? И в этот момент дверь снова открылась.

— Идите быстрее, — раздался незнакомый женский голос, — вас уже спрашивали.

— Не забудь о том, что я говорил, — сказал тот, который с начальственным голосом, поворачиваясь к выходу.

Он вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

А его компаньон замер, а потом приподнялся на носках и, передразнивая ушедшего, пробормотал:

— «Не забудь о том, что я говорил», умник нашелся, а сами ничего без меня не сделают.

Он не стал проверять комнату и тоже направился к выходу. Он уже был у самого порога, когда Римма, в нос которой попала пыль с нижней поверхности столешницы, вдруг почувствовала непреодолимое желание чихнуть. Она сдерживалась, когда незнакомец стоял рядом, но едва он подошел к двери, как щекотка в носу стала непереносимой. Желтые ботинки уже выходили из комнаты, когда она, все же не удержавшись, громко чихнула. Мужчина замер. Римма от ужаса зажмурилась. Он не мог не услышать ее громогласного чихания. Вернувшись в комнату, он пошел на звук, не скрывая своего твердого намерения выяснить, кто же прячется под столом. Римма убрала магнитофон в сумочку и проворно полезла в другую сторону. Незнакомец слышал шум. Теперь ошибиться было невозможно. Он бросился к ней, а она, выскочив из-под стола и схватив под мышку свою сумочку, стремглав побежала к дверям.

— Стой! — гневно заорал он. — Стой, дрянь! Стой... — Он выкрикнул нецензурное ругательство, но Римма была уже у самой двери. Обернувшись, она успела рассмотреть его багровое лицо. Всклощенные редкие волосы, вытянутый череп, белые от бешенства глаза, крупный, чуть свернутый в сторону нос, пухлые губы. Она запомнила это лицо. Но самым неприятным было то, что и он, очевидно, запомнил ее.

Ловец перескочил через стол и неся на жертву,

но она уже бежала по направлению к сотрудникам милиции.

— Задержите его! — крикнула она. — Задержите этого человека!

Офицеры милиции недоуменно смотрели на бегущую к ним молодую женщину, не понимая, чего именно она хочет.

— Задержите, — тяжело дыша, бормотала она.

— Кого задержать, — недоуменно спросил один из офицеров, — почему вы кричите? Покажите ваши документы.

— Я специальный корреспондент газеты «Новое время», — сказала она, задыхаясь и доставая пропуск. — Вот мои документы. А этого человека нужно задержать.

— Кого? — спросил офицер, все еще не понимая, чего от него хотят.

Римма растерянно оглянулась. Удивительно, но ее никто не преследовал. Странно, подумала она: почему никого нет? Неужели толстогубый не побегал за ней? Но куда он в таком случае делся? Она снова оглянулась.

— У него были рыжие туфли, — несмело сказала она, — я запомнила его рыжие туфли. И свернутый набок нос между пухлых щек.

— Ну и что? — спросил офицер. — При чем тут его туфли? Или вы считаете, что в такой обуви нельзя здесь появляться? Идите-ка, дамочка, не мешайте нам работать.

Она отошла от сотрудников милиции, недоумевая, куда делся преследовавший ее человек. Снова огляделась по сторонам — никого. Странно, почему же он не стал ее преследовать? Нужно срочно передать сообщение в газету. Она вдруг вспомнила про